

Алексей Москинов's

ЧТО ТАКОЕ О

Если хочется финансово поддержать автора
(то есть меня) – ни в коем случае не отказывайте себе
в этом желании.

Нереализованные желания рожают комплексы.

АВТОР:

Москинов Алексей (это я)

Никакого особого «откровения» в этом всём
написанном нет, это просто буквы и просто картинки.
Где-то забавные, в чём-то нелепые. Никаких целей это
всё «творчество» не преследует.

Тем не мени, если копируете себе (а вдруг?) – не
забывайте проставить ссылку на автора. Ему (то есть
мне) с этого будет приятно.

Спасибо.

<http://moskinov.ru>

<https://www.facebook.com/cybervantuz>

<https://vk.com/cybervantuz>

- 3 ДЖАЗ
5 ПРО ЛИДЕРОВ
6 7.62
7 ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ
8 ЛУЖА
9 ТРАНСПОРТЁР
10 СОН, НАВЕРНОЕ
11 МЫ ЛУЧШЕ ВСЕХ
12 ОБЩЕСТВО
13 АЛЛЕРГИЯ
15 ТАНКИСТЫ
17 КОЛДУНСТВО
18 ОЗЕРО
20 ПОД ОБОДКОМ
22 МЕЧТА
23 ГАЙКА
25 ЗАПОВЕДНИК
27 РАДУГА-ДУГА?
28 ДРАКОН
29 СИНЯ ВЕРМИШЕЛЬ
30 ПРО ВАСИЛИЯ
35 ШУТКА
37 ПРО ЛЯГУХ
39 МИРУСТРОЙСТВО
40 НОВОСТЬ
42 ВСТАНЬ И ХОДИ
44 ВЕТЕР В ПОДСТАКАННИКЕ

Э А Ж И

Один раз такой случай. Шёл пионер по тротуару. Видит — старуха стоит.
Он ей:

— Перевести вас через дорогу, бабушка?

Пионеры всегда через дорогу бабушек переводят.

А старуха, такая, пионеру:

— А переведи, милоч!

И голос такой, с реверберацией и звоном, будто летучими мышами за шиворот насрала с многоэтажки.

Переводит пионер старуху, смотрит — а старуха-то не просто в капюшоне-балахоне, так ещё и с косой. Не в смысле прически, а в смысле садового инструмента.

Смекнул тогда пионер, что это он смерть через дорогу ведёт.

И говорит ему смерть:

— Ну всё... готовься, сейчас капец тебе будет.

А пионер и отвечает смерти:

— Смерть завсегда приходит. А ты разве ко мне пришла? Ты пришла дорогу перейти.

Подумала смерть — и правда, нестыковочка. Хитёр пионер.

— Ладно, — говорит, — я тогда сейчас уйду, а потом приду.

А пионер ей:

— Никуда не уйдешь. Я за тобой ходить стану, тогда ты ко мне никогда не придёшь.

Так и ходили вместе. Смерть-то по началу пыталась сбежать и вернуться, но то тапочек потеряет и выходит, что не за пионером, а за тапочки пришла. То косу потеряет, а пионер ей найдет. То ещё чего.

Так и ходили вместе.

Смерть пионеру горн подарила. По дружбе

Он в него трубил иногда для пущего драматизму.

А ещё говорят, горнист нашёл барабанщика, запевалу и хулигана с укулеле.

Так джаз-бандой и ходят.

ПРО ЛИДЕРОВ

Один раз такой случай был. В одном городе люди стали вышедшими из зоны комфорта лучшими версиями себя, не боящимися вызовов сегодняшнего дня лидерами и победителями во всём. Причем, не просто победителями, а предвосхищающими победителями, которые на шаг впереди.

Которые все всех уже пять минут как.

Талантливыми. Творческими. Проактивными, но с глубокой экспертизой.

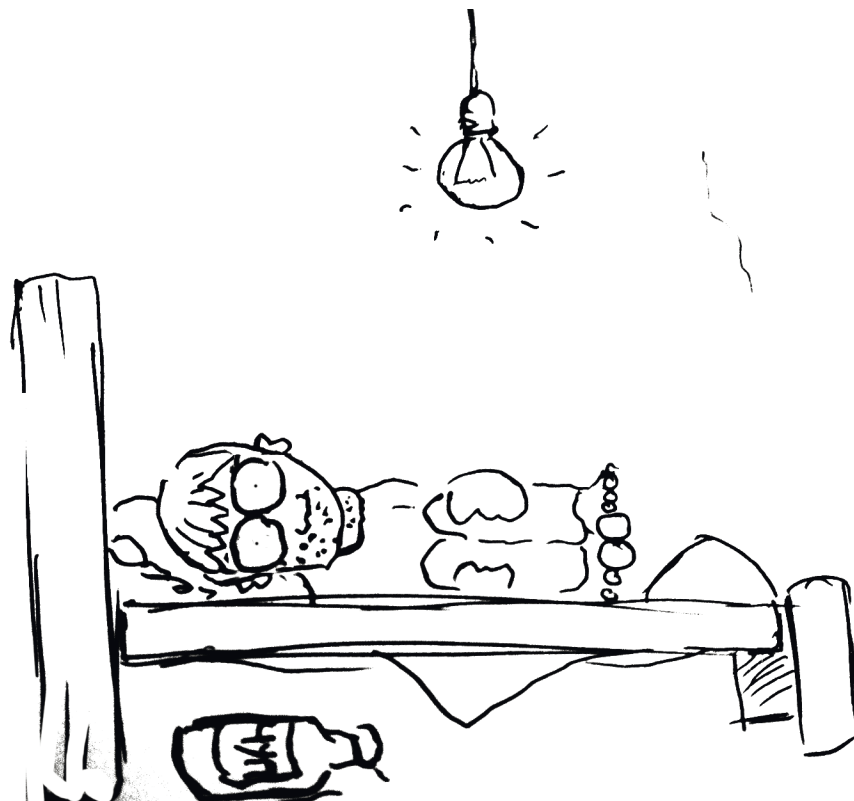
Вот такими победителями.

Представляете, куда ни плюнь, на кого ни посмотри – победитель!

Город оцепили, поставили вокруг колючей проволоки часовых с винтовками Мосина, да в ушанках со звёздами. Стали разбираться. Ведь если каждый – победитель, то они же где-то победить были должны, а как победить, если проигравших нет?

Не, ну была версия, что мож они как в детском саду победители – кашу съел и сразу космонавт, мимо горшка не покакал – лидер. Счётные палочки смог в коробку убрать – трендсетер. Но вслух эту версию не озвучили, больно уж бредовая. Вместо этого город разбомбили к хренам и закатали в бетон от греха.

Так и не ясно, что там было такое с лидерами-то.

7.62

Один раз такой случай был. Сидели вечером мужики да за геополитику тёрли.

- Коль?

- Чего, Стёп?

- Вот ты про секретные секреты всё знаешь. Вот объясни мне - диаметр сигарет, как и диаметр патронов, одинаковый. Калибр 7.62. Это что, если война начнется, то патроны на папиросной фабрике делать? Или байка?

- Это, Стёп, в макулатуру чертежи сдали. А когда на военном заводе спохватились - завод же надо сделать ещё - им вернули что было. Ну, им что было то и вернули. И чертежи папиросной линии тоже. Поэтому 7.62.

- Лааадно. Но ты же не будешь отрицать, что всё делалось только для военки? Что самая устойчивая краска - зелёная. Что лучшая обувь - сапоги. Что метро потому, что надо было строить бункеры для генералов. Что глубоководные аппараты потому, что подводные линии связи тянуть надо. Что одноразовые космические ракеты потому, что вместо космонавта ядерный заряд планировался, а после поражения цели уже возвращаться нечему, а если не повезет, то и некуда. Что...

- Ну чего ты завёлся, Стёп?

- Всё делалось только для военки? Так ведь, Коль?

- Так, Стёп. Так.

- А раз так, то вот тогда скажи, почему в области балета мы впереди планеты всей. Балета! Почему балет? Где балет и где война? Балет тоже из-за войны?

- Да, Стёп.

- Но как? Как? Ты же знаешь, расскажи!

- Прости, Стёп, но нам строжайше запрещено рассказывать про боевое гей-кунгфу.

- Но...

- Я и так слишком много сказал...

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Один раз такой случай был. Решил Колян выяснить – а неужто у людей вот написано, что у них только в интернетах пятьсот восемьдесят друзей, тыща друзей, сто тысяч – а как же так?

Друг – он же вроде как особый человек должен быть. Не просто так. Просто так – это вот в электричке набитой едет 8 тысяч человек. Что едут, куда едут, кто едут – да не поймешь, да и не надо.

Тыща друзей. Ну как так?

Ну, один. Ну, два. Ну, четыре друга. Ну, десять (нифига ты дружилка, а?). Но сто?! Но триста? Но тыща?

Знакомых случайных – их больше гораздо.

Зрителей больше. Просто читателей.

Но неужто у них там друзья именно?

Вот чтобы сто миллион четыреста друзей, чтоб каждый – настоящий друг до конца, для которого не страшно наизнанку вывернуться, который с тобой тоже вместе и чтоб вот прям по всамделишному?

Чтоб если радость на всех одна – на всех и печаль одна, и вот это всё? Нашёл – береги, всё делай?

Что, прям вот они всё делают для пятьсот восьмидесяти ста тысяч? Что, вот взаправду друзья-друзья?

Или знакомые, может?

Так думал Колян, думал пока к людям шел. Заходит к людям – а там сто тысяч друзей настоящих. И все вот со всеми всё. По всякому. А Колян стоит в коридоре темном, а у них там в комнате шум, гам, дружба ходуном. Все сто тысяч. Вместе. Представляете?

Пожал тогда плечами Колян, понял, что ничего ни в чем не понимает, да пошёл кота кормить.

Один раз такой случай был. Шел главный человек с корпоратива, на котором его чествовали (его на всех корпоративах чествовали — он же ГЛАВНЫЙ человек, так кого как не его чествовать-то). Споткнулся, упал и угодил мордой в грязь и кленовые листья. Осень тогда была. Но рассказ не о том, как он эти листья вылевывал, а про то, что вставая он взглянул в лужу и в ней отразился космос.

— Ухты, — подумал главный человек, — это же как можно сэкономить. В космос отправить космический аппарат — это деньгиц мешок нужен. А ведь можно сделать аппарат поменьше, крохотный совсем. Или даже не сделать, а в Китае заказать — они там мелкие все, им сподручней мастерить. А потом отправить его в лужу. Выглядеть-то будет так же, а?

Экономия!

Потом он подумал, что на экономии можно сделать офигопипельный распила бабла, распила-попила, попила, попила, зря попила... Потом умылся он в луже. Потом встал и пошел в свой особняк. Или дворец. Или... не знаа что там у них сейчас. Дворец, наверное. У главного человека обязательно должен быть дворец с вышками. Обязательно.

А лужа, которой он умылся, осталась. И плыли по ней собачья какаха, чернозем и кленовый лист.

И Кассиопея.

ТРАНСПОРТЁР

Один раз такой случай был. Дернуло, тыркнуло и сбросило человека-Тимофея в сторону. Сидит он на холодной земле, смотрит, а мимо лента транспортёрная ползёт. И стоят на этой ленте не товары, не услуги, ни продукты первой необходимости, а люди знакомые. Множество бесконечно разно одинаково уникальных людей. Каждый - с богатым внутренним миром, каждый - отдельная личность, багаж опыта, вселенная эмоций, мир плитки в Братеево. Каждый приучен к санузлу, каждый знает, что проснувшись поутру это будет именно он, и обнаружит себя поутру ровно там, где себя оставил. И у каждого анкета о тридцати пунктах, из которой сразу понятно кто предъявитель сего есть. И у каждого в голове шляпа вверх тульёю, сквозь которую внутрь сочится вечность и координаты GPS для личного черного ворона, сужающего круги. И взгляд у каждого многозначительно свой. И молчание своё. И стоят они будто банки с паштетом на ленте. И едут, едут, едут.

А внутри человека-Тимофея была звенящая пустота, будто рекламы вдоль транспортёра недочитал и место осталось.

И сидел он, сидел, сидел и смотрел на людей, вспоминая их имена. И тех, кого встречал, и тех, кого не встречал, и тех, кого никогда не встретит.

А где-то белые медведи тёрлись о земную ось. И шестерни скрипели. И лента ползла, ползла, ползла.

Невидимая рука взболтала и перемешала туман ложкой. Птицы растворились в небе как сахар.

Вечерело.

Один раз такой случай был. Приходит мужик к доктору и жалуется, что у него с фазой медленного сна что-то не так. То есть обычно-то чего: быстрый сон-медленный сон. Сопишь бревном - дёргаешься - сопнешь - дёргаешься, глазами мотаешь, сон смотришь. И за ночь сон-то раз пять проходит. Или четыре. Но точно не меньше трёх. И помнит человек только последний свой сон, а остальные - нет. Потому что когда ты в промежутках как бревно лежишь, то у тебя стабильность и историческая память только лишние ресурсы жрёт. Сны только в быстрой фазе сна смотреть можно.

- Ну? - спрашивает доктор, - нахрена мне этот ликбез?

- Так вот, - говорит мужик, - все только один сон помнят, а я - все три. Или четыре. Или даже пять.

- И это плохо?

- Плохо, - говорит мужик, - от такого обилия картинок я уже даже и не понимаю что со мной. Сплю я или нет. Сделайте что-нибудь! Я же только по Розенбауму ориентируюсь.

- Это как?

- Да мне каждую ночь Розенбаум снится. И вот если это он, то я точно сплю. А как быть, если я его живьём встречу? Это ж всё собьётся! Я же потом не смогу определить сон или не сон!

- Да, не сможете, - отвечает доктор, - потому что никакого потом не будет!

Сорвал тогда доктор с себя всё и оказался перед мужиком Розенбаум, схватил мужика хоботом, оторвал голову зубами, выпил тенью всё, помотал из стороны в сторону и на щупальцах прочь пополз, напевая про часто видимый сон, в котором осень и пластинки диска каприз.

А пустую шкуру мужика в шкаф кинул.

Сон, наверное.

Это мужика спросить надо, да его больше и не видал никто.

Вот такая хрень, ребяташки!

МЫ ЛУЧШЕ ВСЕХ

Один раз такой случай был. Осенью, когда мрачные тучи свинцово висели над городом, у одного парня было хорошее настроение, а у всех других — не так чтобы очень. Прямо скажем — херовое у всех настроение было. И парень взял банку краски и кистью написал на заборе — "Мы лучше всех!"

Только он это написал, как появились серые люди в серых шапках, взяли парня за руки—за ноги и швырнули в кучу листьев. А пока парень мокрую листву изо рта выплевывал, стали ему говорить, что надписью "мы всех лучше" он пытался унижить всех, кто не относится к социальной группе "мы", и теперь ему будет пристальное внимание. И ещё раз в листву кинули.

Пока парень выплевывал мокрые кленовые листья, к нему и людям в серых шапках подошли серые люди в серых брюках, погрозили людям в серых шапках, парня в листву швырнули, краску конфисковали, изучили производителя и, пока парень языком пытался сплюнуть набившуюся в рот гнилую рябину, стали говорить, что парень может являться совсем не нашим человеком, а подверженным влиянию. А значит надпись "мы всех лучше" пропагандирует и служит вражинам. И что и без того пристальное внимание должно быть утроено. И снова швырнули в кучу листьев.

Пока парень руками вытаскивал изо рта пыльное природы увядание, к нему и серым людям в серых шапках и брюках пришли серые люди с серыми глазами. Они швырнули в листву всех и вежливо попросили играть подальше от забора. А как увидели, что на заборе надпись, то ещё раз всех кинули в листья и наорали, что зря в такой хороший забор внесены изменения, что все вы даже не представляете что за этим забором находится, и что, вообще, они сейчас позвонят куда надо и будет сами знаете что.

И стали серые люди спорить и друг—друга в листья кидать. Парень тоже пару раз сам себя в листья кинул, жухлое выплюнул, плечами пожал и домой пошёл. Там телешоу начиналось: "Лодка. Построй свой быт". Участников на подводной лодке запирали и они как-то дальше должны были что-то придумывать с этим, как-то жить.

Интересное шоу. Необычное.

ОБЩЕСТВО

Один раз такой случай был. Родился человек. По всем правилам родился, только смотрят на него в роддоме, а у него вместо рук были ноги. А вместо ног — руки. И задница с головой поменяна. И пупок не там. Ну, жил он какое-то время так, а потом этого человека взяли и перевернули. И стал он обычным. Потому что общество злое и себе подобных воспитывает. Вот такая хрень, ребяташки. Берегите себя и внутреннюю гравитацию.

АЛЛЕРГИЯ

Один раз такой случай был. Было как-то у Сергея редкое аутоиммунное заболевание – аллергия на правду. Как правду услышит – сразу краснеет, пупырями покрывается и чешется весь.

Очень долго диагностировать болезнь не могли. Потому что мало сейчас правды, да и телевизор заболевание смотреть не мешает. И работать. И в общении, чаще всего.

Да что там не мешает – помогает! И ты людям веришь, и тебе.

Но вот пупыри эти. И почёсы...

Короче – вылечили в итоге.

Потому что полуправдой что угодно купировать можно.

Даже вот такое.

ТАНКИСТЫ

Один раз такой случай был. Приснились Сергею танкисты. Они были в разноцветных подшлемниках, шлемы их украшены были гирляндами и цветами. Они прыгали и скакали вокруг Сергея в ускоряющемся хороводе, мигали фонариками и пели:

Поздравляем с днём рожденья
И желаем всей душой:
Если смерти — то мгновенной,
Если раны — небольшой.

А Сергей их остановил и говорит:

— Танкисты, кто вы такие? Я вас не знаю! К строевой не годен, призывной давно прошел, даже в компьютер в танчики не играю. Зачем вы поёте мне это, танкисты? Мой день рождения не скоро!

А танкисты отвечают:

— Странно нам, танкистам, слышать от тебя такое, Андрюха.

— А я не Андрюха, — отвечает Сергей.

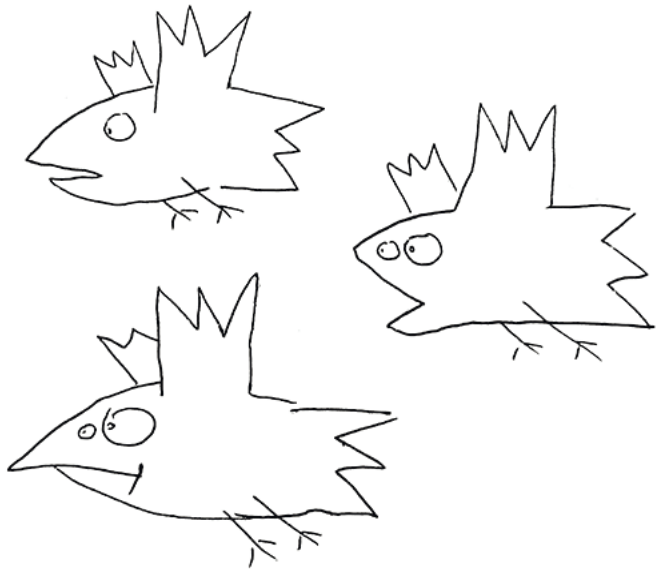
— Ты — Андрюха, а ведешь себя как Антон. Не будем тебе величальную песню петь.

Сказали так танкисты и, приплясывая, ушли в спустившийся сизый туман.

Если б поговорили, то Сергей бы догадался, что Андрей тоже работает директором по извлечению бумаги из принтера на втором этаже, а значит волновые процессы в мозге у них одинаковы, поэтому возникающие образы схожи, поэтому танкисты и обознались.

Но беседовать со своим подсознанием Сергей не стал. Поэтому остаток ночи смотрел сквозь свинцовый туман на болота, откуда мерцали огоньки гирлянд и доносилась песня:

С днём рожденья тебя!
С днём рожденья тебя!
Траки, гусеницы, башня!
С днём рожденья тебя!

КОЛДУНСТВО

Однажды такой случай был. На раскопках городища нашли волшебную палочку, по всем признакам — ту самую волшебную палочку, из русской народной сказки. Ну, помните? Которая — махнешь три раза и любое желание пропадает.

Стали пробовать — работает!

Отдали учёным, те говорят — действительно, феномен какой-то. Волшебств не бывает, а тут — вжух-вжух-вжух и всё. Даже если были какие-то души прекрасные порывы — всё улетучивается. Взмахнешь три раза, а потом бросишь прочь, плюнешь в пол, сапоги натянешь, сядешь у двери и будешь до рези в глазах смотреть в хрустальный воздух, да курлыканье навсегда улетающих журавлей тяжёлым сильным дыханием разбавлять.

В итоге исследований выяснилось, что, конечно, это никакая не волшебная палка, а обычная. А то, что три раза махнул и всё обрыдло — так это просто у нас тут климат такой, менталитет, особенности.

Культурный, мать его, бэкграунд.

И воздух хрустальный слишком...

ОЗЕРО

Однажды как-то жило одно озеро. Оно было говорящим и орало день напролет. Ну не могло оно молчать, когда над ним пролетает облако.

— ВААААААААААААААА!!! Круууууугаааа!!! Смотрите!!! Во мне отражается облако! На мне нарисовано облако!!! Я — облако!!!

Или:

— Нененене!!! Я — птиицица! Кар! Кря! Кря! Мяу! Му... эээ... ты куда корову потащил?! Не таскай надо мной корову! Я — не корова, я — птицаааа!!! Я — птица!!! Ыц! Ыц! Ыц!

Или:

— Я — небо! Я — небо! Я ваще небо-космос-вселенная! Айвон-тубилиииив!!!

Ну и в таком духе.

Сильно орало.

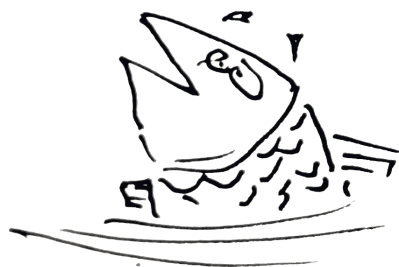
В озере постоянно что-то отражалось, крика было много. Поэтому люди рядом с озером не селились, да и рыбаки на него не ездили. Какой смысл ловить карасей, когда сам водоем рыб распугивает?

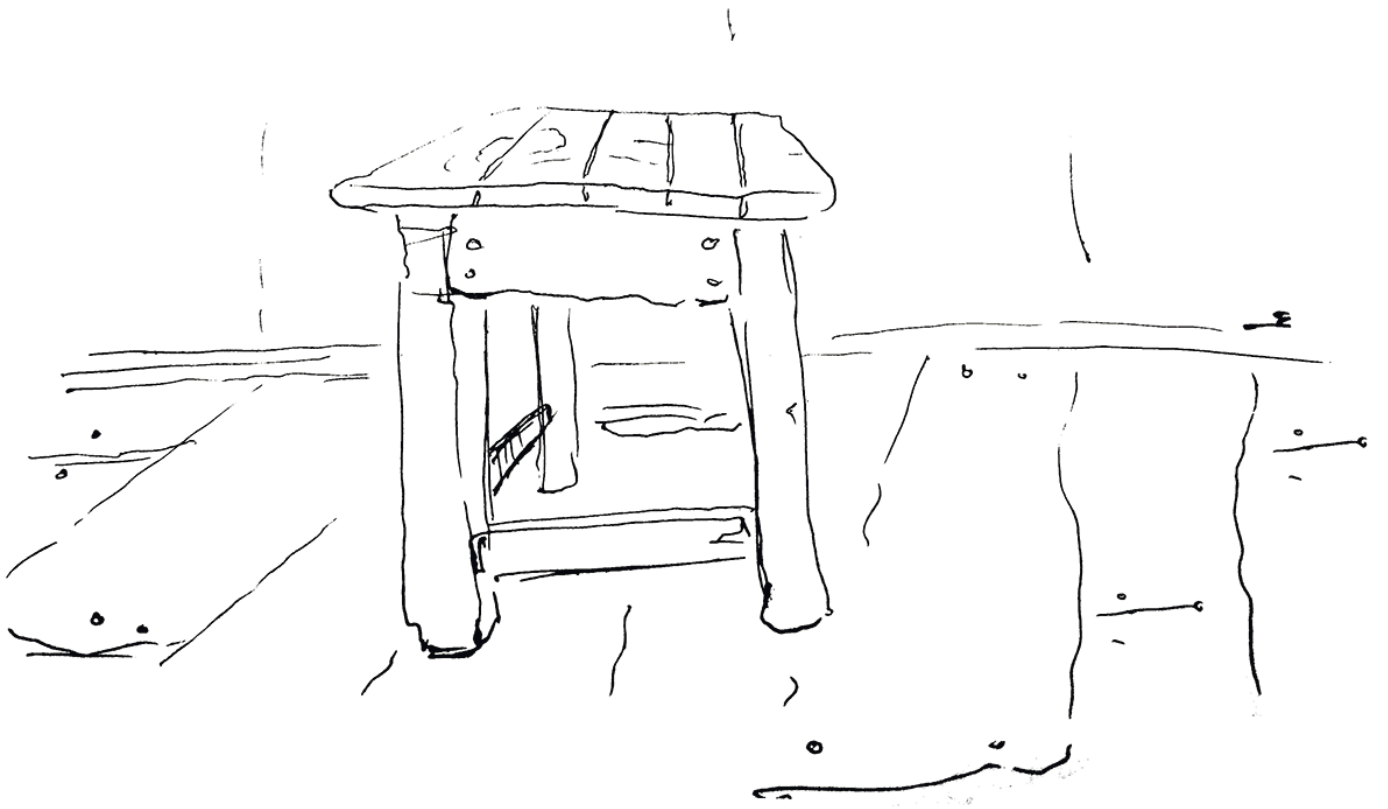
Никакого смысла.

Поэтому через некоторое время озеро полностью заполнилось рыбой до краев. Лежало и воняло.

А когда на берегу посторили высоченный говноперерабатывающий завод (ну а что делать? людей рядом не живет, никому не помешает), то и отражение стало соответствующее.

А озеро чего-то там тоже бубнило, вроде. Но под подлещиками не разобрать было.

Однажды такой случай был. Открытие сделали. В астрофизической лаборатории. Всех деталей не расскажу — долго, да и не интересно вам будет. Вкратце: все мы живем под ободком унитаза. Знаю, осознать это сложно, поверить — ещё сложнее. Сам неделю из дома не выходил, когда про это всё узнал.

Из чего ободок сделан — так сразу не поймешь, но по спектрам поглощения выходит, что из фаянса. Просто стенки далеко, так сразу и не определишь как далеко. Но фаянс. И кафеля немного, но это, походу, стена какая-то излучением бликует. И живем мы в капле, которая постепенно сползает к свету, из-под ободка, стало быть. А рукава "галактик", которые видны, это отражение света в подободковой тени. И много еще других подтверждений.

Все ученые собрались тогда, посмотрели, выходит — на правду похоже, каждая теория находит подтверждение. От того, что звезды стали видны, когда кто-то свет включил, до туннельного эффекта, волновых теорий. До всей биологии — периодически вода смывает всё живое. Потом новое появляется откуда-то. Ещё, хорошо что редко, генеральная уборка случается — но это очень редко даже в их, внешнем, времени. Наше-то время быстрее течет, потому что подободковое пространство очень разреженное и эффект квантовой вытяжки дает aberrации на краях стенок. Долго объяснять, да и не надо это вам. Короче — все живем под ободком. И понятно, что это, может быть, лишь теория. Но, вместе с тем открытием, ученые сигнал извне получили. Странное звуковое послание. Расшифровали его, а там: "а?! чего? тут вода шумит! не слышно ничего! сейчас выйду, одну минутку!"

На исследования гриф секретности наложили сразу. Сколько длится тамошняя минутка в наших годах — то нам не говорят. Наверное, чтобы панику не сеять.

Но воды вокруг становится чуть больше, чем было.

Однажды такой случай был. Один чувак еще в сопливом детстве как-то вечером решил, что будет круто, если построить дирижабль-катамаран, из которого бы играла музыка и который бы пускал мыльные пузыри, перелететь на нём через все океаны, и чтоб все-все очень искренне радовались, смеялись и всем было от этого хорошо.

Обычно подобное забывается после стакана теплого молока, или на утро. Но идея с дирижаблем почему-то не забылась.

Чувак рос. Вот таких идей с дирижаблями и пузырями — их должно было набраться море просто. Их и набралось. Но эта — не забылась. Потом он учился, изучал подвижность воздушных кораблей в эфире. Тут бы натолкнуться на то, что сама конструкция такого воздушного аппарата крайне неустойчива и летать оно точно не будет. Но нет, может летать. И чувак начинает строить. Строить дирижабль-катамаран из которого бы играла музыка и который бы пускал мыльные пузыри, чтобы перелететь на нём через все океаны, и чтоб все-все очень искренне радовались, смеялись и всем было от этого хорошо.

Чувак делал чертежи.

Тут бы, по законам драматургии, должна была бы вкратце ошибка, которая перечеркнула бы всё. Но нет, в чертежах все было нормально. Расчеты плюс-минус верные, в условиях взятых приближений.

Строил свой дирижабль чувак много лет.

Вообще, конечно, он должен был бы взять молоток, стать забивать последний шуруп и скопытиться на этом.

Но нет. Он достроил.

Аппарат не должен был бы взлететь. Ну, для морали хоть какой-то. Но он взлетел.

И полетел вперед. И не упал. И хватило провизии.

Ну уж люди-то точно не радовались? Это-то точно в людской природе...

Но и люди радовались, смеялись и всем было от этого здорово. Искренне.

И тут бы, конечно, округлить бы историю, все-таки ввернув какую-то мораль.

Но и морали нет.

Никакой.

Просто всё было хорошо. Иногда так бывает.

Редко, но бывает.

Хорошего дня!

Один раз такой случай был. Человеку с рабочей специальностью Смирнову бригадир производства, пахнувший луком Сапрыкин, дал задание: "Возьми в подсобке ключи, поедь с ключами за город, у реки стена металлическая стоит. Синяя. В ней — болт и гайка. Гайку — отвернуть, болт — пока не трогать."

— А с хрена за город ехать, гайки крутить? — резонно возразил Смирнов, — вы нелепицу предлагаете, моншер, шерами вас в пуркуа.

Сказал он, конечно, не совсем так, поскольку профдеформация вынуждала его, человека рабочей специальности, излагать мысль максимально лаконично.

На что прораб резонно возразил:

— Внемли мне, о возлюби тебя всякий ближний, не ближний, и все третьи лица прямо в твой вокабуляр без всякой видимой на то причины и необходимости! Возьми ключ и отверни гайку, всю твою родню вспоминаю добрым словом, а то премии лишу!

И глаза прораба Сапрыкин сверкнули нетипичным красным огнём. Сказал он всё тоже не совсем такими словами. Ну что — взял рабочий человек Смирнов ключ, взял тряпку промасленную. Сел в автобус. На реку приехал.

Действительно — стоит синяя стена, а в ней — болт. Болт — с одной стороны стены, гайка — с другой. Краской закрашенная, держится плотно. Ну, встал со стороны гайки, крутанул — держится. Не идёт. И краска — с виду старая, крошиться должна, но как камень, не отколупнешь.

И смех и грех — три часа давил, раскачивал — держится гайка. Большая. Мёртвой сидит. Разозлился тогда Степанов, пнул ногой синюю стену. Загудела стена. Вдали, за холмом прокатился раскат грома.

— Любить уста пиитов! — подумал Степанов.

Под вечер, мокрый от дождя, приехал на базу.

— Ну, что? — поинтересовался прораб Сапрыкин.

— Да пещеры удовольствие вообще, — отметил Смирнов, — не поддается.

— Ну, завтра повинтишь.

И назавтра гайка не поддалась. И напоследок. И напоследок. Держалась. И стена странная: пнешь ногой — гром, польешь гайку водой, чтоб размочить — дождь. Ушибешь палец, подуешь на стену — ветер.

— На который из нефритов эта гайка нужна? Спилить её на фалос к дальним неведанным далям и делов-то!

Но всякий раз прораб Сапрыкин говорил: "отвинтить и принести, болт не трогать, гайку не ломать, резьбу сохранить".

- Офаломорфировать вообще, - говорил себе Смирнов, налегая на ключ.

Была осень, когда гайка поддалась. По небу ползли серые облака. И в тот момент, когда гайка вместе с болотом стро- нулась - в небе над Смирновым как будто включили и включи- ли огромный миксер: тучи завернулись в спираль, и чем больше Смирнов крутил гайку с болотом, тем туже спираль облаков закручивалась.

Чтобы отвернуть гайку, кто-то с той стороны стены должен держать шляпку болта, чтоб не проворачивался.

- Людей больше не дам. Не можешь справиться - так и скажи, - и глаза прораба всякий раз горели странным красным.

- Чтоб я какую-то гайку не отвернул?

Нельзя быть сразу по обе стороны стены. Зимой, когда вода в стене замерзала, придерживая болт газовым ключом, пробо- вал свернуть гайку на себя.

Ни-че-го. Только дождь, крутящиеся туда-сюда спирали обла- ков и гром, если в бессилии пнуть стену. Зимой грозы - редкость.

Смирнов вбил с другой стороны клин, размочил водой, до- ждался, когда разопрет... подточил стену с той стороны, чтобы железо держало как второй ключ...

Гайка сдвинулась.

- Хааа! - заорал вымотанный рабочий рабочей специальности Смирнов.

На небо он посмотрел, когда докрутил гайку на треть. Оно было похоже на порванную мятую бумагу, через которую смо- трела чернота. Мятая синяя бумага над головой. И без- звёздная жирная темень сквозь рвущееся, но поддавшееся небо.

- Отнесу гайку - поеду в Геленджик. Это ничаво! Это ничаво! - сказал человек рабочей специальности Смирнов и сильнее приналёг на ключ.

Один раз такой случай был. Сидит на берегу мужик, за щеку держится и в воду что-то бросает. Подходит другой.

- Сидишь?

- Сижу.

- А чо в воду бросаешь?

- Добро.

- Хреновое у тебя добро, не тонет даже. Из чего оно, твоё добро? Ты какое-нибудь нормальное можешь кидать? А то вот это мне даже не пригодится. Или пригодится...

- Я не тебе кидаю, я вообще.

- То есть как не мне? Да я же твой ближний!

- Ближний?

- Ну да. Географию в школе учил? В этих местах населенность - полтора человека на квадратный километр. Вот я - человек. Вот ты

- не то ни сё. А больше никого. А сказано - ближнего своего возлюби. Так что или возлюбляй, или старайся.

- Но я же просто...

- Что просто? Добро раскидываешь просто? Нет! Ты с умыслом! Может оно вообще не твоё, может ты его украл! Написано - не укради, а ты, стало быть - украл! Да ещё и грустный сидишь, а всякий зверь после соития печален, стало быть ещё и прелюбодействовал с добром этим! Понарушал всех заповедей, гадина, и ещё и добро отдать не хочет! А ну, давай сюда!

Отобрал второй мужик добро и ушёл.

А первый так и остался на берегу сидеть и за щеку держаться. Потому что когда всегда одну и ту же щеку подставляет - выходит ушиб. Хоть и благими книгами оправданный.

РАДУГА-ДУГА?

Один раз такой случай был. Задал Василий себе вопрос: почему радуга - дуга?

Не прямая вверх, не прямая вниз, не квадрат, не додекаэдр, а именно - дуга.

Почему?

- Потому что всё в этом мире стремится к форме шара, - сказал его друг Арсений, кушая пирожное.

- Например потому, что это красиво, - сказала подруга Анфиса и пошло хихикнула.

- Потому что земля круглая, - сказал Геннадий Степанович, и продолжил читать Спорт-Экспресс.

- Ты мне когда деньги вернешь? - сказал злой Николай.

- Радуга круглая потому, что у тебя глаз - круглый, она на самом деле не в в небе, а в глазу, поэтому вот так. А у фотоаппарата объектив тоже круглый, поэтому всё круглое, пойдем пообедаем, - сказали очкастые коллеги.

- Потому что капелька дождя круглая, вот поэтому, - сказала единая справочная служба.

- В 64-м радуги хороши были, круглее чем сейчас, - сказала старушка с мятым пакетом-майкой.

- Купить зонт, калоши, металлопрокат, - сказал Google.

Так в этот день ничего и не выяснили толком.

ДРАКОН

Один раз такой случай был - пришли к черному кровавому дракону хорошие люди, каждый в глаза драконьи глядит. Дракон тогда совесть почувствовал небывалую, да говорит: - Хорошо. Победили вы меня. Тот, кто дракона победил - тот драконом и стал.

Хлопнул дверь. Ушел. Только вещи собрал.

А хорошие люди остались.

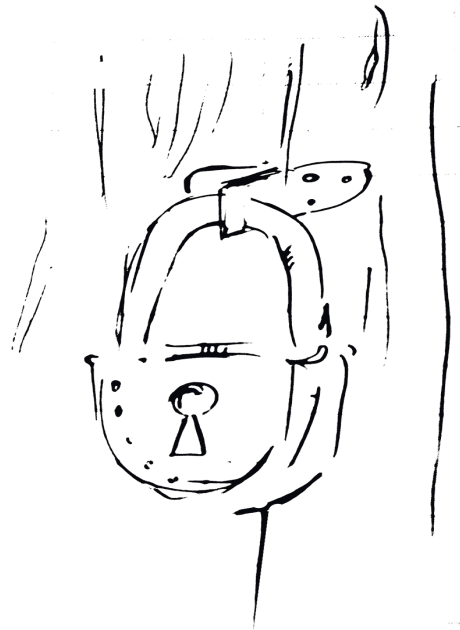
Родители, которым было не до ребенка, учительницы первые, одноклассники, которым было начихать, девочка любимая первая, которая больше семиклассников любила, стрёмный сосед с первого этажа безногий, который на ведре на лестнице сидел, уборщица с тяжёлой жизнью, и алкаш Федька-мастер золотые руки, всю семью потерявший, спивающийся и в лифте наблевавший, и педагоги в институте, которым не до того, а лишь бы карьера во имя благого дела, и автобус с окраины, который трясет и воняет, и первая зарплата, с которой осветитель воздуха купил, а всё равно не помогает, и нищенство, и большие заборы, за которыми несправедливо сидит дракон, и много-много всего и всякого и других.

- Как же так, - думают хорошие люди, - мы ж все, вроде бы, хорошие, а в итоге гавно такое получилось-выросло. Может на самом деле не такие мы хорошие, раз из-за нас земли драконами-людоедами полнятся?

Погрустили тогда хорошие люди, потосковали, а потом отловили Ангела Всепрощения, витающего над всеми ними, и выписали ему знатных звездюлей.

И пошла совсем другая жизнь.

Пока Ангел Всепрощения не оклемался и дружанов своих не позвал.

Одного мужика звали Никифор, и он ударился головой. И после удара этого у него сначала гудело в ушах, потом спал двое суток, потом долго не спал, а после того как голова перестала болеть, он увидел, что нет никакого беспроводного интернета. Что информация как шла раньше по проводам, так и идёт по проводам. Но провода эти стали плохо видимые, полупрозрачные, с синеватым таким отливом.

И хищные эти провода.

Если старый провод отмотаешь сколько надо, обожмешь, воткнёшь – и он лежит как положили, то эти, новые, они хищные. Опасные очень. Они сами извиваясь по дорогам ползут и норовят прямо впитаться в спину человеку. С лица не заходят – со спины только. А как впиваются, то дальше уже тащутся за человеком, ползут за ним, волочатся по дорогам, куда бы человек не пошёл. И из рта-коннектора ростки выпускают в разные стороны. И ростки эти – они тоже растут, тянутся, колеблются. Как будто нюхают воздух.

И если отросток этот за кого-то соседнего цепляется, то люди получают связаны этим синим полупрозрачным пульсирующим проводом.

И вот если в большой город зайти, то сплетается полупрозрачная паутина, прямо в воздухе висит, за людьми ползёт, за машинами волочится. Наступишь на провод – тысячи отростков к тебе бросаются, впиваются и всё – не вырваться уже.

А если отрывать их от себя руками, в стороны бросать – то ещё хуже, зеленеть начинаешь. А зелёный этим проводам приманка, они таки бросаются.

И всё синее, липкое и колыхается.

Вот такое Никифор видеть стал.

Думал он долго, почти до старости, и придумал способ, как за собой хвост прозрачной склизкой вермишели не таскать, и чтоб не прилипало. И избегать чтоб.

Рассказал родне, те его в дурку упекли. А там уж Никифора быстро нейрорептиками ушатали.

Способ вместе с ним и пропал.

Такая история.

Родне его, Никифоровы, рассказы были безразличны. Им квартира нужна была.

А вот у доктора из дурки – у него на экране компьютера заставкой синие полупрозрачные полосы нарисованы. Хотя, может быть, это просто совпадение...

ПРО ВАСИЛИЯ

Однажды к Василию пришло похмелье
- Уйди от меня, хватит возить гладким полиэтиленом по пищеводу!
Заманало уже! - возмутился Василий
- Нееееет, мы ща на карусели поедем - ответило похмелье

Василий отвернулся к стене, накрылся ковром и стал уныло насвистывать тумбулянейджу.

Однажды Василий был воплощением Будды
- Учитель, скажи нам, что есть сопротивление? - спрашивали ученики
- Ом.. - отвечал Василий
Ученики уходили просветленные, а Василий продолжал мерить резисторы.

Однажды Василий был женщиной, выучившей стихок «что в имени тебе моем, ты зацени груди объем»
- Боян - говорили ему кавалеры!
- А за бояном - титьки! - отвечал Василий
И играл лунную сонату в ля-миноре.

Однажды Василий был младшим мерчендайзером
- Ты хоть понимаешь, чем должен заниматься младший мерчендайзер?! - гневно спрашивал старший мерчендайзер
- Нет - отвечал Василий
Он был искренен.

Однажды Василий был термометром за её окном
- Брррр - сказала она
- Подожди, придет весна, и я тебя согрею - отвечал Василий
Синоптики ржали хором.

Однажды Василий был ценами на нефть
- Держись, Вася! - говорили ему друзья
- Вот та хня по сто баксов за баррель была лишней - отвечал Вася и блевал в офшоры
Аналитики что-то записывали.

Однажды Василий был Василием

- Ну кому я нахер нужен, а? - риторически спросил он.

Тишина не нашлась что ответить.

Однажды Василий был летарщим шоу Монти-Пайтонов

- Херня какая-то - говорили люди

- Никто не ожидает испанской инквизиции - отвечал Василий

И в страхе оглядывался по сторонам

Однажды Василий был Мерлин Монро

- О боже, ты убила Кенни! Сволочь! - кричал Кеннеди

- Пиду-пиду- ПУУУ - говорил Василий и передергивал затвор

В СССР его ждал орден и новый лифчик.

Однажды Василий был Ыперменом

- Ыпермен! Спаси нас! - кричали люди, пожираемые бездонным нон-сенсом

- гЫЫЫЫЫЫ! - говорил Василий

И писал в блог

Однажды Василий был Маяковским

- Ты достаешь из широких штанин - говорили папарацци, наводя объективы

- Да ну вас - мялся Василий

Обновлять репертуар важно. Да.

Однажды Василий был каплей никотина

- Здравствуйте, Василий - заигрывающе сказала Ксюша

- Это не любовь - сказал Василий

Предупредительность важна.

Однажды Василий был сотовой связью

- Прием фиговый - говорили люди

- Одна-две палки... - говорил Василий

Вдали от благ цивилизации всегда так.

Однажды Василий был звездой рок-н-ролла
- Вася! Сделай мне ребенка! - кричали фанатки
- Хорошо - отвечал Василий и шел к сборочному конвейеру
По ленте транспортера ползли руки, ноги и головы пластмассовых
пупсов. Любая звезда рок-н-ролла знает, что на одной музыке не
протянешь. До конца смены оставалось три часа.

Однажды Василий был вечностью
- Я соберу тебя из льда! - твердил Кай
- Метафизика! - отвечал Василий и играл галактиками.
Но позировал.

Однажды Василий был гравитацией
- Василий, вы нас притягиваете - говорили женщины
- Афигеть, да? - говорил Василий, отряхиваясь от притянутых
грузовиков, экскаваторов и мелких небесных тел
Быть гравитацией тяжело

Однажды Василий был котёнком Шредингера
- Как ты? - участливо спрашивали его?
- А ты как думаешь? - отвечал Василий
Но его никто не слушал.

Однажды Василий был первым покорителем космоса.
- Поехали? - спрашивали его из черной чайки
- Ну, блин, опять бухать перед стартом! - отвечал Василий
В ЦК с этим было строго.

Однажды Василий был инфернальной улиткой
- Нашей планете грозит гибель! - кричали прорицатели
- Не так быстро, как вы думаете - отвечал Василий
Сложно ползти по склону

Однажды Василий был крейсером Аврора
- Когда революция будет? - интересовались пенсионеры
- Да ну... я на приколе! - отвечал Василий
И водил пушкой.

Однажды Василий был Чак Норрисом
- Не бей нас - говорили злобные злые злодеи
- Я-то что... как уж в сценарии напишут! - извинялся Василий
А между дублями пили кофе.

Однажды Василий был Брюсом Ли
- Киты! - говорил Хемингуэй
- Кия! - отвечал Василий
И дрался. Он не мог по-другому.

Однажды Василий был конём
- Говно ты, а не конь! - говорили ему прохожие
- Это только буква! - оправдывался Василий
Но ходил

Однажды Василий был стойким оловянным солдатиком
- Что-то ты как пизанская башня стоишь... - говорили командиры
- Уж как получается - отвечал Василий
И вечнозрегированно стоял

Однажды Василий был Кощеем и болел
- Я напрягаюсь - сказала утка
- А что делать - отвечал Василий
Даже в сказках всё не так просто.

Однажды Василий был колобком
- Колобок-колобок! Я тебя съем! - сказал медведь
- Не сказка, а ужас тоталитаризма! - сказал Василий
Но от сценария не отклонился.

Этот день должен был наступить. Рано или поздно. Но должен. Все, что начинается, рано или поздно должно завершиться.

Бочки ярко трепыхали огнем, обжигая серые фигуры. Отблески прыгали по щербатым стенам, а искры, вплетаясь в чахлый дым, завязывались в тугие узлы и уносились прочь. Туда, где царствовал ветер. Ветер и темное безглазое небо в разводах — все, что осталось неизменным. Все рухнуло. Обвалилось. Исчезло. Зубы бетона торчали среди кусков арматуры, и лишь небо, серое слепое небо висело дырявым одеялом над обглоданной до ребер меридианов землей, да ветер свистел из небесных щелей, плетя из дыма причудливый узор, теряющийся в этой голодной дырявой ночи... Только ветер. И небо. И бочки. И сторбленные фигуры, шедшие к ним и рассаживающиеся в круг.

Они шли издалека. Они не знали зачем, но так было заведено их предками. Каждый девятый день поднимался ветер и гнал их к их бочкам. И надо было идти. Как шли их отцы, деды, прадеды и те, кто застал рождение ветра. Как шли те, что видели, как земля встала на дыбы, а небо, с рёвом поглотив лишнюю землю, жадно догрызал всё, что раньше казалось таким обычным.

Они шли. Ветер гнал их, ибо надо было исполнить предписание — каждый девятый день, когда маховик в большой трубе повернется вертикально и откроется новый ветер, все должны идти вдоль высушенных водорослей и, собравшись в круг возле хранителей светлой бочки, слушать. И каждый вновь пришедший должен сказать слова, что дадут остальным дожить до следующего поворота маховика.

Слова должны были быть новыми. Каждый раз. Так надо. Таков закон.

Новые слова, что отгонят ветер, отодвинут падающее вниз голодное небо и дадут маховику силы для нового поворота. А значит и веру в следующие девять дней. Девять дней борьбы с небом и ветром среди прокопченных щербатых стен с торчащим железом. Девять дней, после которых все соберутся и следующий расскажет свои слова.

Расскажет свою шутку.

"Смех продлевает жизнь" — было сказано в священной книге. Собственно, это была единственная уцелевшая книга, валявшаяся возле единственного маховика. Мы должны смеяться, тогда небо пощадит нас. Подвал не затопит водой, а из-за брошенного завода не придут те, кого не испугать острой палкой. Надо смеяться. Книга дана не зря. И каждые девять дней те, у кого хватило сил бросить вызов голодному небу, приходили к бочке и шутили новой шуткой.

Небо принимало шутку. Маховик поворачивался и ветер прекращался. Новая шутка позволяла искрам лететь вертикально вверх, чтоб долетев они могли согреть и ублажить серое дырявое бесцветное одеяло, изо дня в день висящее над головами.

Но шутка должна быть новой.

А новые шутки когда-нибудь закончатся.

Никто в это не верил, но все знали, что когда-нибудь их шутки закончатся.

И этот день наступил.

Осталась последняя несказанная шутка. Сгорбленные фигуры стояли возле огня. Сноп искр вязал с ветром причудливые узлы. Небо было готово рухнуть и раздавить всех.

Все знали эту шутку.

Все знали, что она последняя.

Никто не решался подойти к огню и пошутить её.

Должны были...

Обязаны...

Но не решались..

Маховик в большой трубе замер...

Небо съежилось...

Ветер стих...

Надо сказать эту оставшуюся последнюю шутку. Говорить и смеяться над ней. Над последней шуткой.

И тогда маховик повернется, и ветер перестанет дуть из трубы.

Тогда будет еще девять дней.

А потом...

Потом..

Сизое, дырявое небо в фиолетовых разводах жадно смотрело сверху, ожидая свою законную шутку.

Сгорбленные фигуры стояли в нерешительности...

- Жизнь - гавно!

Зеленая пупырчатая лягушка, вяло перевернувшись на спину и сложив передние лапки за головой, посмотрела вверх. Сверху было небо, и неба было мало. Что в горлышко кувшина поместилось, то и было.

- Жизнь гавно. Вот, правда. Гавно. Реальное гавно. Вязкая серая бездна, выбраться из которой не реально - повторила она и поковырялась в носу.

- Да нет же! Нет! Все совсем не так! - вторая лягушка, угодившая в тот же кувшин, выплюнула изо рта сметану и продолжила яростно долбить лапами что есть сил, поднимая волны, которые мерно бились о глиняные стенки кувшина.

- Жизнь прекрасна! Просто надо стараться, верить и работать!! И тогда мир засияет красками! Мы способны выбраться отсюда! Мы можем! Мы замечательные! У нас получится!

- Аутотренинг поутру? Похвально. Но как-то не убедительно. Искренности что ли не хватает? Уверенности какой-то. А! Подожди! Ты, наверное, обратила внимание, что мы в полной заднице и обречены, а жизнь - тупо никому не нужный кусок дерьма. Как-то чувствуешь это, но но не хочешь себе признаться?

- Нет! Жизнь уникальна и прекрасна! Она наполнена радостью и светом! Но нельзя просто так сидеть и ждать, сложа лапки!

- Я не сижу, я лежу. И тебе, кстати советую.

- Нет! - и лягушка еще яростнее замахала перепонками, - я вижу свет в конце тоннеля. Я буду бить лапками и взобью сметану в масло! И выпрыгну в мир безграничных возможностей! А ты, если хочешь, оставайся!

- Да я и останусь. И ты останешься!

- Это почему это?! Я буду стараться, и я обязательно взобью из этой сметаны масло и вырвусь туда, наверх, где бескрайние просторы. И эти.. как их..

- Кто?

- Не важно! Главное - что там ширина, и перспектива, и безбрежность, и восторг. Надо только работать и все обязательно получится! - и она заколотила лапами с утроенной силой - из сметаны взобьется масло. Масло взобьется, оттолкнусь и прыгну. Я прыгну, а ты - ты как хочешь. Сиди, ной, считай, что жизнь - гавно. А я - выпрыгну.

- Ну, это не ты выпрыгнешь, а я выпрыгну. У тебя-то на прыжок, небось, и сил-то не хватит. А так, чо, маши лапами, давай. Только масла все равно не взобьешь.

- У. Меня. Обязательно. Получится. - лягушка упорно двигала лапами, скребя неровную стенку кувшина - получится.

- Масла из этого не взобьешь. Ты посмотри вокруг. Ну, разве сейчас нормальную сметану делают, из которой масло раньше производили?

Давно уж так не делают. Испортилось всё. Не сметана теперь, а молочный продукт. И жирность не та, и консистенция хуже. Развалили село, натурального-то и нет больше. Соя одна. Еще недавно были предпосылки что что-то исправится, да куда уж сейчас. Поздно. Да и бестолку.

— Нет. Главное это верить. Если верить, тогда сметана будет сметаной. Мир прекрасен — еле шептала лягушка, двигая перепончатой лапой.

— Ну а чо верить? Чо верить? Ну, реально же, гляди, соя подкрашенная. Жирность эмульгатором сделана. Ты хоть верь, хоть не верь, как ты этот эмульгатор взобьешь? Да никак. Он, понимаешь, есть. И мы все, понимаешь, в нем.

— Сердце...

— Говоришь, тебе плохо? Да всем сейчас плохо. Всем. Время такое сейчас, понимаешь. Плохое. Хорошего — его сейчас вообще мало, а учитывая конъюнктуру современной реальности — так, считай, вообще нет. Стабильности нет. Что говоришь? Сил нет? Сил ни у кого сейчас нет. Полное бессилие окружающего режима. И вообще, вот, слабость какая-то. Нет смысла. Отсутствие направлений, что ли. И неопределенность только выматывающая. Знаешь, полная такая неопределенность. И еще отсутствие перспектив. Хреновая жизнь, я тебе доложу, подружка. Хре-но-вая. Прямо скажем — жизнь гавно. Жизнь — гавно. Жизнь — гавно. Жизнь — гавно. Жизнь... Жизнь...

Но вторая лягушка ее уже не слышала. Ее туловище медленно шло на дно.

— Копать мой хрен! Жаба в масле!!! — заорал крестьянин и выплеснул кувшин.

— Жизнь гавно, — донеслось из-под куста.

Однажды как-то раз не было зимы. Совсем. А было лето-лето-лето. И осень. Осень должна была быть, потому что иначе зачем ходить между берез и осин? Как шуршать листвой под ногами? Как смотреть с тоской в догорающее небо? Как заниматься херней, вместо того, чтобы дело делать, если осени нет?

Не будь осени — не было бы Пушкина. А когда бы он тогда бы бегал по лугам, как бы без осени диких уток по пустынным берегам разгонял бы?

Опять же — если нет Пушкина, то памятники кому тогда ставить?

Как песню "Последняя осень" подругам за гаражами играть, если осени нет?

Последнее ничего? Пфф!

Осень вечна как русский рок.

Осень всегда была.

И лето.

В общем, лето-лето-лето. И осень.

И, главное, это всех более-менее устраивало.

Но потом по каким-то причинам БогЗимнихНадбавокЗаПлохиеПогодныеУсловия прогневался и потребовал к себе уважения. Остальные боги покочевряжились немного, смертные тоже жертвы всякие поприносили. Но ничего не сработало. Он, главное, такой: "коли я БогЗимнихНадбавокЗаПлохиеПогодныеУсловия, то мне нужна зима, нужны плохие погодные условия, и надбавки мне тоже нужны! А потому что раньше надо было думать, до того как пантеон городили".

Так и повелось с тех пор. Зима, плохие погодные условия и надбавки, которые получают какие-то чуваки наверху.

А весну уже потом женобоги придумали. Вместе с сезонными психозами и новыми коллекциями.

Про то другая история.

МИРОУСТРОЙСТВО

Однажды был такой случай. Ну, как случай, история такая была. Событие что ли. Да. Событие такое. Ну, ладно, случай. Не суть. Был случай. И вот это было с одним знакомым. Ну, как знакомым. Вроде как знакомый, а вроде и нет. Приятель что ли. Да не, не приятель. Да фиг с ним, не суть. Короче, абстрактно совсем, не важно. С одним такая вещь произошла. Ну, это могло и со знакомой произойти какой-нибудь. Вполне могло. История-то достаточно общая. Часто такое случается, мы просто проходим, внимание не обращаем. Ну, бывает короче. С каждым бывает.

Один раз было так. Ну, как один. Не один, конечно. Несколько раз такое было. Но речь не про то. Короче, когда это было... было как-то... ну, короче, он так не оценил что ли. Не обратил внимание. А вот надо было, если б обратил, мож и по-другому вышло. А тут, значит, он сидит такой. Делает там чего делал обычно. И тут вот звонок. И не поймешь, то ли последний, то ли третий, то ли телефона. Это как раз не важно. Не про то история. Он только, значит, вскочил. А оно уже вот и всё. Ну, как вскочил. Там разве ж вскочишь. Встал. Ну, собирался как-то встать. Сказать, может что-то, хотя и глупо это. Но вот сам факт как-то цепанул что ли. Заставил взглянуть по-другому. И он тогда берет, смотрит - и точно. И понимает, главное, что вот оно всё вот так. С другой-то стороны - а вот если историю по-другому развернуть? Что тогда изменилось бы? Оно, конечно, да, частично есть. Тогда бы вот шел, а оно было бы не так, а чуть как-то иначе что ли. По-другому, как говорится.

Короче, такая история была.

Или не было. Ну, тут оно ведь как.

Нормально. Обошлось как-то.

ВСТАНИ И ХОДИ

Один раз такой случай был. Случился человеку Антону голос свыше. И сказал голос: - Встань и ходи!

Была ночь, но Антон послушался. Встал, дошёл до кухни. Попил воды из чайника.

И тут говорит голос:

- Сядь и сиди.

Антон сел.

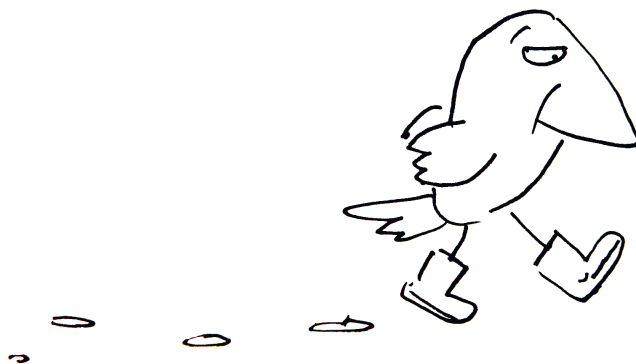
- Ляг и лежи.

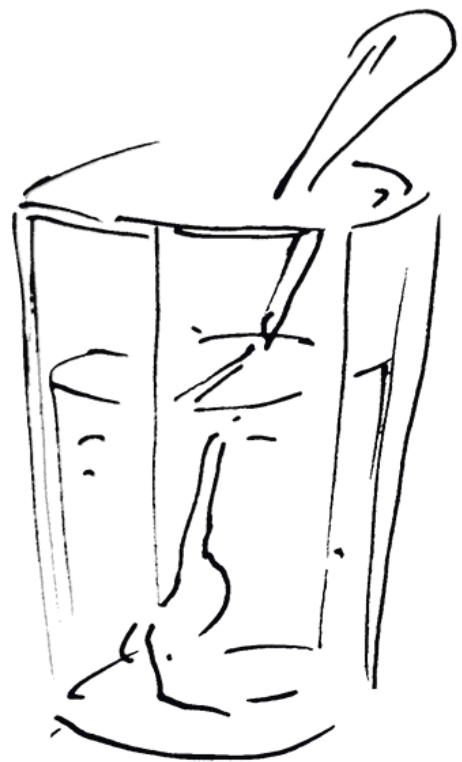
- Вскочи и бежи.

- Бабло выгодно вложи. и прочее "не тормози - сникерсни".

Антон слушал голосов и праведную медийную жизнь вёл. А потом с неба явился ему бланк огненный. И было написано на нём "направление на приём". И хоть на направлении не было ни даты ни адреса, Антону стало легче жить. Направление-то есть. А потому что не тормозить и сникерснить надо когда скажут. Он понял, что его примут. А это немало.

И не важно, что примут три раза в день за 20 минут до еды.

Ты же знаешь, что ветер дует только потому, что есть еще деревья, которые машут своими руками?

И даже когда теплые зелёные варежки распускаются на ворох желтых, разбросанных по мерзлым лужам клубков, даже когда остаются лишь рыбы скелеты вместо сочных, мясистых летних лап — даже тогда ветер дует лишь потому, что острые жилы деревьев цепляются за него и толкают дальше. По большому счету, наверное, ветра и не существует. Есть только деревья да усталое небо, которое двигается влево-вправо от взмахов веток.

Небу было скучно. Его гоняли взад-вперед, и оно не понимало, как быть. Ведь никогда не знаешь, куда тебя толкнут дальше и что придет в голову во-о-о-он той рожице или вот этому здоровенному баобабу. Толкают, и толкают, и толкают, двигая по диагонали и вертикали приклеенные обои облаков.

Иногда небо думало, что на самом деле оно вовсе даже и не небо, а лента транспортёра. Ну, знаешь, такого, из столовой. Небу было тяжело, и оно думало, что сверху на нем стоят грязные тарелки и борщ с салфеткой.

И когда небо закрывало глаза, тухло солнце. И снился небу сон.

Сон про то, как на нём стоит первое, второе и компот, а оно движется. Двигается. Двигается.

Это объясняло, почему надо двигаться. Вилка с сосиской должна доехать до великой мойки. И от этого небо еще шире улыбалось хитрым рогатым месяцем.

А потом оно просыпалось, и конопушки звезд исчезали, сменяясь деревьями, которые машут руками.

И вновь продолжался ежедневный бег. И так до следующего сна, чтобы снова улыбнуться щербатой улыбкой луны и высыпать белёсые точки...

Откуда берутся эти точки? Небо не понимало. Может, звезды — это аллергия на птиц или волшебство, которое не дано постичь. А может, просто где-то там, в верхней столовой, над транспортерной лентой горит лампа. И сквозь дыры, проковывренные острыми лапами деревьев, виден не выключенный кем-то свет... Знаешь, это как если надеть свитер, но не полностью, а на глаза, чтобы можно было смотреть сквозь него. И небо надевало этот свитер. И становилось чуть холоднее. Потому что холод приходит тогда, когда к нему долго готовишься.

А потом небо снова просыпалось и моталось.

Небо двигалось по памяти. Оно знало, что будет дальше. Не потому что мудрое, а просто потому, что всё повторялось изо дня в день. Просто фантазии у деревьев было не много. Дубы – тупы. Сосны – слишком остры. Осины – кретины. И махали деревья одинаково. Каждый день. Одно и то же. Небо уставало.

А однажды от него отвалился кусочек. Небольшой, совсем маленький.

Такое часто бывает – поставь только таз с водой, спрячься и смотри: сначала ничего не видно, а потом – ап! – и оказывается, что в тазу разлетаются птицы, облака и компот, капающий с транспорта. А на дне таза плещется упавший синий лоскуток, оторванный неосторожным деревом. Но в этот раз кусочек неба упал не в таз.

Вечерело, и тазы уже убрали. Была погода на сломе лета, когда по ногам дует прохлада, а уходить не хочется. И кто-то не уходил.

Кто-то сидели и пили чай... просто пили чай и болтали обо всякой чепухе, про которую небо ничего не понимало. Оно понимало лишь про деревья и как улыбаться месяцем. Про ту лампу, что горит выше. Ну и немного о том, что сейчас оно опять упадет в воду. А про чепуху не понимало.

А кто-то сидели и пили чай.

А небо тихонько падало.

Холодало.

И кто-то, оставив стаканы на деревянный стол, пошел в дом.

А кто-то, посмотрев вдаль и подумав, взял свой стакан и пошел следом..

И было падающее небо. Стол. И стакан недопитого чая с ложкой

Бултых!

Штука в том, что в стакане, куда упало небо, нет деревьев. Там есть маленькие плотки чайнок, есть песок на дне, есть содовые разводы слез на стенках. А деревьев нет. Ни одного. Ну, если не считать, что чайники – это тоже чуть-чуть деревья, но мы не будем так считать, пусть это будут не деревья, а что-то еще...

Кто-то ушел, а небо падало. Туда, где нет деревьев.

- Странное дело.... нет деревьев. Как двигаться? Куда двигаться? Почему я стою на месте? - думало небо.

- Как я буду улыбаться луной, если меня перед этим не гоняли по кругу эти бессовестные липы, берёзы и рябины?

- Тополя! ну вы-то хоть где?

Никто его не толкал, и небо в сером свитере лежало на дне остывшего чая.

- Эй! так нельзя! это невозможно! - вопил вечерний кусочек со дна стакана.

Оно лежало долго. Может, даже слишком долго - так ему казалось. Мир затих, затаился и сжался вокруг бревен чайнок, вальсирующих, как косяк подводных лодок. Небо замерло.

- Я не могу так! Не могу!!!!

От памяти не убежишь.. Ведь деревья постоянно гоняли небо одинаково. И небо начало двигаться

Может, для того, чтобы размяться, а может, вспомнить... а может, что-то еще...

Не поймешь.

Но оно начало двигаться.

Без деревьев.

По памяти.

И чай в стакане начал крутиться, набирая скорость. И в этом всё ускоряющемся водовороте начали кружиться плотки чайнок. И сахарный песок на дне. И ложка. И ручка подстаканника стала описывать круги.

А небо всё разгонялось и разгонялось

И стакан стал увеличиваться, а ложка, вращающаяся уже с какой-то немислимой скоростью, вырвалась за пределы стакана и стала перемешивать не только чай, но и стол.

И траву.

И забор.

И деревья.

И всё закружилось в этом странном хороводе: и рыбы скелеты у дороги, и дорога, разрисованная тенями.

И улыбка.

Небо вращалось как тогда, до свитера, до падения, до когтей. Как тогда, когда сквозь его не латаные дыры бил свет лампы. Небо улыбалось месяцем, а ложка, невероятная ложка, которая уже терялась где-то там ,высоко-высоко, всё вращалась и вращалась...

И небо было счастливо...

И всё вокруг смешивалось в один большой чай, и стаи белых сахаринок нарежали круги как тогда, над голубятней.

Кто-то, стоя возле ленты транспортера рядом с тарелкой гречки, вытащил ложку и посмотрел в стакан.

- Слушай, а тебе никогда не казалось, что если смотришь в чай, то видишь лес?

- Лес?

- Ну да. И небо.

- Нет, не казалось... - ответил кто-то надевая свитер, - морозит что-то..

Кто-то встал, потушил лампу и хлопнул дверь.

Было тихо.

И не было звезд.

Только ложка легонько позвякивала о подстаканник...

А на дне, среди чайнок, лежала луна.

